

Е. А. Сорокина
(Волгоградский социально-педагогический университет, Волгоград)

К ПРОБЛЕМЕ ГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО GEDRYHT / GEDRIHT¹

Проблема графического различия в написании OE *gedryht* / *gedriht* в поэме «Беовульф» до настоящего времени не получила должного внимания. Анализ материала показал, что OE *gedryht* / *gedriht* как ядерный компонент формулы ‘существительное в Р.п. мн. ч. + существительное’ относилось к ритуальному/ церемониальному вокабуляру. Более того, варьирующиеся слова не являлись синонимами и не противопоставлялись друг другу. Они характеризовали эпического героя, акцентируя внимание на его социальном статусе. Традиционно, графическая вариативность в написании объясняется, во-первых, спецификой устно-поэтической техники, во-вторых, графической подсказкой, значение которой утеряно, в-третьих, двумя стилями письма копиистов, которые приводили к избыточности правописания. Изучение текста поэмы показало, что все контексты употребления обоих вариантов написания принадлежат одному переписчику, что исключает разницу в стилях. Проведенное исследование 6 контекстов употребления двух способов написания OE *gedryht* / *gedriht* по 3 соответственно позволяет заключить, что четко прослеживается зависимость написания слова от размера социальной группы, которую оно обозначает. OE *gedryht*, очевидно, использовалось для наименования небольшой группы людей, наиболее приближенной к королю / вождю, выполняющую социальную функцию охраны (особенно в ночное время), или спящую вместе в одном месте / помещении. OE *gedriht*, вероятно, имело тоже значение, но обозначало, с одной стороны, большую по размерам группу, с другой, не столь лично близкую вождю.

Таким образом, OE *gedryht* / *gedriht* выступало в поэме «Беовульф», во-первых, в качестве ядра эпической формулы и входило в особый церемониальный вокабуляр. Во-вторых, графическая вариативность указывала на смысловое различие между OE *gedryht* и OE *gedriht*, что позволяло автору поэмы более точно охарактеризовать группу людей, действующих в стереотипных ситуациях в рамках древнегерманской традиции.

Ключевые слова: древнеанглийское *gedryht* / *gedriht*, поэма «Беовульф», графическая вариативность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00418 А.

Е. А. Sorokina

(Volgograd Social and Pedagogical University, Volgograd)

A note on the graphic variability of Old English *gedryht* / *gedriht*

The problem of the vowel variation in the spelling of OE *gedryht* / *gedriht* in Beowulf has not been adequately studied. The analysis of the poem has shown that OE *gedryht* / *gedriht* is a nuclear component of «Gen.pl. + noun» formula related to the ritual / ceremonial vocabulary. Moreover, the words *æþelinga* 'a nobleman', *eorla* 'an earl', *secga* 'a man', *hæleþa* 'a hero' are not synonyms. They characterize the epic hero, focusing on his social status. Traditionally, the graphic variability in writing is explained, firstly, by the specifics of the oral-poetic technique, secondly, by a graphic hint, the meaning of which has been lost, and thirdly, by two different writing styles which lead to spelling redundancy. The text analysis has shown that all contexts with both spelling variants belong to one copyist. A study of 6 contexts with two ways of spelling OE *gedryht* / *gedriht*, allows us to conclude that the spelling depends on the size of the social group. OE *gedryht* was used to denote a small group of people closest to the king / leader, performing a guard function (especially at night), or sleeping together in one place / room. OE *gedriht* probably had the same meaning but referred to a larger group and not so personally close to the leader.

Thus, OE *gedryht* / *gedriht* used in Beowulf's poem firstly, was a core of the epic formula and a part of a special ceremonial vocabulary. Secondly, graphical variation indicated a semantic difference between OE *gedryht* and OE *gedriht*, which allowed the author of the poem to characterize more accurately a group of people acting in stereotypical situations within the Germanic tradition.

Keywords: Old English *gedryht* / *gedriht*, Beowulf, graphic variability.

Удаленность текста во времени и пространстве, отнесённость к различным культурам накладывают значительные трудности для исследования. Очевидно, что воздействие древнего текста на современного читателя и читателя-современника автора различается. Отсюда и интерес ученых к изучению различных средств и способов, использованных авторами англосаксонских поэтических текстов, к попыткам не только понять древний текст, но и почувствовать атмосферу эпического мира. Древнеанглийская эпическая поэзия восходит к древнегерманской устно-эпической традиции, которая характеризуется аллитерацией, формульностью выражений, богатой синонимией, словами композитами и перифразами. Значение поэтического слова зарождается в эпической формуле посредством ассоциативных связей, а сами формулы могут образовывать аллитерационные ряды.

Формульность эпического текста своими корнями уходит в устную традицию, где при импровизации автор не стремился к оригинальности, а следовал традиции (Smirnitskaya 1982: 171–232). По мнению Н. Ю. Гвоздецкой, формульность может рассматриваться как словесное отображение стереотипного характера поведения, воспроизводимость которого поддерживает социальные связи и устои общества (Gvozdetskaya 2016: 170). Древнеанглийский эпос обладал особым вокабуляром, набором формул и моделей для обозначения как эпического героя, так и эпического мира. Другими словами, древнеанглийский поэтический текст следовал устно-формульной традиции. Возникает закономерный вопрос: какую функцию могло выполнять графическое различие в написании слов в рамках устной поэтической традиции, или оно было случайным?

Действительно, вариации в написании гласных или согласных в древнеанглийских словах — обычное явление. В поэме «Беовульф» орфографическая избыточность представлена большим количеством примеров: *wlonc/wlanc*, *yldum/eldum*, *sellic/syllic*, *maþtun/madmtun* и т. д.

Ученые по-разному объясняют это явление. Известно, что поэму переписывали два человека с разными стилями письма. Стиль первого относился к началу XI века, причем он переписал 2/3 поэмы до 1939 строки. Второй писец, закончивший рукопись, использовал стиль позднего X века (Newton 1994: 2). Различие между двумя переписчиками отражалось и в разнице написания имени главного героя *Beowulf/Biowulf*, так как вариант через *-i-* появляется с 1987 строки. Следует правда отметить, что второй переписчик раза два использовал написание *Beowulf*. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с орфографической избыточностью, а различной манерой письма.

Существует точка зрения, что различное написание одних и тех же слов могло быть связано с особенной техникой изложения поэмы в устной традиции. Поэма была создана в VII–VIII веках, но записана в конце X века. Можно предположить, что устно-формульная традиция ограничила внесение значительных изменений при записи поэмы. Другими словами, вариативное написание слов могло являться своеобразной подсказкой для древнеанглийского читателя при декодировании написанного текста в устное произведение. Вполне возможно, что чтец, певец текста выделял голосом, интонационно или значительной паузой такие слова, а слушающий воспринимал, понимал и декодировал текст так, как того хотел автор. Со вре-

менем такая информация терялась, но графические подсказки сохранились и дошли до наших дней (O’Keeffe 1990).

К сожалению, современному читателю не всегда удастся правильно декодировать древний текст, увидеть те средства и приемы, которые использовал автор. В данной статье будет сделана попытка объяснить графическую вариативность в написании древнеанглийского слова (*OE*) *gedryht / gedriht* в поэме «Беовульф».

Выбор материала для анализа обусловлен рядом причин. Во-первых, поэма «Беовульф», наиболее архаичный дошедший до наших дней древнеанглийский текст, является ярким примером отражения древнегерманской устной поэтической традиции. Во-вторых, др.-англ. *gedryht / gedriht* из 27 случаев употребления в корпусе текстов 22 раза встречается в поэзии и только 5 раз в глоссах. В-третьих, наибольшее количество контекстов употребления отмечено в поэме «Беовульф» – 6 случаев из 27, причем это единственная поэма, где представлены оба варианта написания.

По древнеанглийским словарям для *gedryht / gedriht* постулируют следующие значения: ‘A host, company, band of retainers’ (Bosworth, DOE n.d.). Для того, чтобы уточнить семантику слова обратимся к этимологическому анализу. *gedryht / gedriht* имеет четкую словообразовательную модель: к *dryht / driht* прибавляется префикс *ge-* с вероятным значением ‘совместность, коллективность, сходство, имеющие особые отношения’ (Durkin 2011: 100). Сравните: *þaér se góda sæt Béowulf Géata be þaém ge-bróðrum twaém* (Beow. 1190). ‘Беовульф Гаутский сидел рядом с двумя братьями’ (Хредриком и Хродмундом) (пер. Е. Сорокиной).

В свою очередь, *dryht / driht* ‘люди, толпа’ восходит к прагерманскому **druhti-* ‘host, retinue хозяин, свита’ (Kroonen 2013: 104) от праиндоевропейского (PIE) корня **dhereugh-* < **dher-* ‘hold, support держать, поддерживать’, ср. рус. *друг, дружина*, лит. *draĩgas* ‘друг’ (Walde 2014: 860). Согласно В. В. Левицкому, развитие семантики от **druhti-* могло проходить по нескольким направлениям «‘быть твердым, прочным’ > ‘надежный, верный’ > ‘друг, товарищ’ > ‘товарищ по борьбе, воин’ > ‘воевать, трудиться’, или ‘быть прочным, твердым’ > ‘сильный, смелый, храбрый’ > ‘воин, товарищ по борьбе’ > ‘воевать, трудиться’. Хорошо известна и обратная связь: ‘труд’ > ‘воинский труд’. Семы ‘дружина’, ‘князь’, ‘свита’ являются вторичными» (Levitsky 1994: 67).

Проведенное ранее исследование на материале готского, древнеанглийского и древнеисландского языков позволило установить, что под прагерманским **druhti-*, вероятно, понимались члены особой социальной группы от 7 до 35 человек, связанные общим видом деятельности (Sorokina 2010: 337).

Логично заключить, что будучи производным от **druhti-* группа *gedryht/gedriht* могла объединять людей с учетом их социальных связей и обязанностей, которые они выполняли. Примем это определение за базовое и проанализируем контексты употребления.

Во всех шести контекстах *gedryht / gedriht* встречается в сочетании с другим существительным, выступая, таким образом, в качестве ядра эпической формулы ‘существительное в Р. п. мн. ч. + *gedryht/gedriht*’. Ср.: *æpelinga gedriht, eorla gedriht, secga gedriht, hælepa gedryht*, где *æpelinga* ‘знатный’, *eorla* ‘эрл’, *secga* ‘муж, воин’, *hælepa* ‘герой’. При этом считается, что смысл формулы не выводится из суммы значений составляющих ее элементов, но определяется значением ядерного слова (Lord 1994: 82).

По мнению Дж. Д. Найлза в формуле *secga / eorla / hælepa / æpelinga + gedryht* ‘отряд мужей, эрлов, героев, знати’ в «Беовульфе» сказитель использует слова не из-за их подходящего контекстного значения, а из соображений аллитерации, добавляя, что если бы поэма была в три раза длиннее, то возможно, поэт мог бы использовать и модель типа **mid his gumens gedryht, *mid his thegna gedryht, *mid his Geata gedryht* (Niles 1981: 396–399).

Следует особо подчеркнуть, что варьирующиеся слова при ядерном слове не являются синонимами, но и не противопоставляются друг другу. Все они характеризуют эпического героя, подчеркивая его социальный статус. К примеру, Беовульф называется в поэме и *æpeling* (1225), и *eorl* (248), и *secg* (249), и *hæleþ* (1047).

Более того, все контексты, в которых используется *OE gedryht / gedriht* относятся к Хеороту. В Хеороте Грендель напал на спящих (*æpelinga gedriht*), там же Хротгар сидел со своими эрлами (*eorla gedriht*), в пиршественном зале Беовульф поведал о сборах воинов (*secga gedriht*) на помощь Хротгару. Именно в Хеороте Беовульф просил Хротгара разрешить ему вместе с эрлами (*eorla gedryht*) сразиться с чудищем. Из Хеорота выходил Хротгар со своей свитой (*hælepa gedryht*) в покои жены. После победы над матерью Гренделя в Хеороте

Хротгар мог без страха спать со своими воинами (*secga gedryht*).

Действительно, Хеорот в поэме не просто дом для воинов и домочадцев, а сакральное место, символ могущества и богатства Хротгара, своеобразная правительственная резиденция, где празднуются победы, награждаются воины, встречаются гости, обсуждаются важные проблемы. Символизм и сакральность Хеорота предполагает использование некоего ритуала и следование определенным моделям поведения. Не случайно Вульфгар строго в рамках этикета, зная традиции воинства (*cýþe hé dugiðe þéaw*, 359), представляет Беовульфу Хротгару. Более того, в поэме можно выделить целый пласт лексики «для обозначения торжественной, ритуальной речи, которая связывалась с церемониальным характером отношений сюзерена и вассала, вождя и дружинника, хозяина и гостя, стража и пришельца» (Gvozdetskaia 2016: 176).

Можно предположить, что слово *gedryht* / *gedriht*, являясь ядерной частью эпической формулы, относилось к ритуальным / церемониальным словам, отражавшим стереотипные характеристики группы людей, действовавших в рамках древнегерманских традиций. При этом, графическая вариативность в написании может объясняться или спецификой устно-поэтической техники, особым поэтическим средством, воздействующим на читателя, или нести какую-то смысловую нагрузку, или быть случайной. Для решения исследовательской задачи обратимся к анализу поэмы.

Изучение текста поэмы показало, что все контексты употребления обоих вариантов написания принадлежат первому переписчику, так как встречаются до 1939 строки. Более того, количество контекстов с *gedryht* и *gedriht* распределились поровну, по 3 соответственно.

Начнем анализ слова *gedriht* с эпизода, описывающего первое нападение Гренделя на пиршественный зал.

Gewát ðá néosian syþðan niht becóm / héän húses· hú hit Hring-Dene æfter béorþege gebún hæfdon· fand þá ðaér inne æþelinga gedriht swefan æfter symble sorge ne cúðon wonscaft wera· wiht unhaélo grim ond graédig gearo sóna wæs réoc ond réþe ond on ræste genam þrítig þegna· þanon eft gewát mid þaére wælfylle wíca néosan (115–125)².

² Все древнеанглийские примеры взяты с сайта <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html>

‘Ночью Грендель вышел разведать, сильна ли стража кольчужников датских возле чертога, и там, в покоях, враг обнаружил дружину, уснувшую после пиршества, – не ждали спящие ужасной участи, – тогда, не мешкая, грабитель грозный, тать кровожорный похитил тридцать мужей-воителей, и, с громким хохотом и корчась мерзостно, вор в берлогу сволок добычу, радуясь запаху мяса и крови’ (пер. В. Тихомирова)³.

Жестокая атака Гренделя противопоставлена мирно спящим воинам Хеорота, кровавый банкет (*wælfylle*) чудовища – пиру (*symbel*) знатных воинов. При этом, со стороны автора нет никакого осуждения беспечности воинов, заснувших после застолья. Мы чувствуем лишь его сочувствие к несчастным погибшим людям ‘с плохой судьбой’ (*won-sceaft*). Для древнегерманского читателя описанная ситуация была вполне обыденной. Хеорот объединял в себе не только строение и публичное место, но и личное пространство короля, место постоянного проживания его семьи и свиты. Таким образом, спали в пиршественном зале не только воины (*þegn*), но и группа из членов благородных семей (*æþelinga gedriht*). Из контекста ясно, что погибло 30 воинов (*þritig þegna*). Можно предположить, что погибли не самые близкие, так как Хротгар сидел в печали (*unblīde sæt*, 130). Совсем другая реакция была на гибель близкого родича Эскхера (1296–1311), которого схватила мать Гренделя (*æþelinga ánne hæfde*), самого любимого героя (*hæleþa léofost*) Хротгара, того, кто всегда находился рядом (*on gesīdes hád*), самого дорогого тана (*aldorþegn, déorestan*).

Можно сделать предварительный вывод: *æþelinga gedriht* представляла собой группу людей благородного происхождения, возможно членов королевского рода (Abels 2003: 84), которые находились на вассальной службе у Хротгара, но не входили в его ближайший круг, так как гибель всех (или части их) не вызывала бурных эмоций у Хротгара, хотя и сильно опечалила его.

Во втором контексте Вульфгар представляет Хротгару с его эрлами Беовульфа, сообщая о том, что тот желает предложить свою помощь, так как после 12 лет постоянных набегов Гренделя на Хеорот Хротгар (*wæs manna þearf*, 201) нуждался в людях.

³ Перевод В. Тихомирова взят с сайта <https://norse.ulver.com/src/other/beowulf/beowulf.html>

Hwearf þá hrædlíce þaér Hróðgár sæt eald ond anhár mid his eorla gedriht· éode ellenróf þæt hé for eaxlum gestód Deniga fréän: cúþe hé duguðe þéaw (356–359).

‘Туда вошел он, где старый Хродгар сидел седовласый **среди придворных**; там, на помосте, перед престолом славного пастыря, пред ликом Хродгара встал Вульфгар’ (пер. В. Тихомирова).

Традиционно в древнегерманском пиршественном зале присутствовало большое количество народа: члены королевского рода, вассалы, воины, гости, барды, слуги. Вероятно, немало среди них было и эрлов, знатных воинов, что подтверждается рядом контекстов. Во-первых, в строках 1232–1240 автор повествования сетует, что многих воинов (*eorla manegum*) ожидает ужасная судьба (*geósceaft grimme*) после пира по поводу смерти Гренделя. Во-вторых, после окончания застолья охранять Хеорот осталось несчетное количество (*unrim eorla*) именно эрлов. Можно заключить, что при первой встрече с Беовульфом Хротгара окружала большая группа эрлов.

Существование пиршественных залов подобных Хеороту подтверждается археологическими данными. По мнению ученых в таком строении могло разместиться большое количество людей. Например, в комплексе домов в Лейре (Lejre, Дания) обнаружен дом ок. 50 м в длину и 8–11 м в ширину, датируемый VI веком, который соотносят с Хеоротом в «Беовульфе» (Niles 2006). Большие размеры зала подтверждаются и строками самой поэмы. Хротгар дарит Беовульфу восемь лошадей (*eahta mearas*, 1035), которых приводят в Хеорот.

Если предыдущие два эпизода относились к воинам Хротгара, то последний случай употребления слова *gedriht* связан с Беовульфом. На пиру, к которому присоединились Беовульф с дружиной, последний рассказывает Вальхтеов о решении воинов Хигелака ехать на помощь Хротгару.

He þæt ful geþeah, wæltreow wiga, æt Wealhþeon, ond þa gyddode guþe gefysed; Beowulf mæpelode, bearn Ecgþeowes: Ic þæt hogode, þa ic on holm gestah, sæbat gesæt mid minra secga gedriht, þæt ic anunga eowra leoda willan geworhte oþðe on wæl crunge, feondgrapum fæst (628–636).

‘Чашу воитель принял от Вальхтеов и ей отвечивал жаждущий битвы, молвил Беовульф, сын Эггтеова: «Дал я клятву, когда **с дружиной** всходил на ладью, чтобы плыть за море: или избуду я ваши беды, или сгину в тугих объятых рук вражьих, – зарок мой крепок! – добуду победу, или окончатся дни моей жизни в этом чертоге!»’ (пер. В. Тихомирова).

Следует особо подчеркнуть, что воины, которые поплыли с Беовульфом, не были его вассалами. Все пятнадцать воинов (*fiftýna sum*, 207), включая Беовульфа, были тэнами короля Хигелака (*Higeláces þegn*, 194). Таким образом, Беовульф был равным среди равных, хотя и самый известным, опытным, но что более важно, старшим по возрасту (*him se yldesta*, 258) среди прибывших. Как старший он выступал в качестве представителя Хигелака. Таким образом, приплывшие с ним воины не находились в вассальной к нему зависимости, хотя были среди них, вероятно, и личные тэны Беовульфа. Так, перед битвой с чудовищем Беовульф передает меч своему оруженосцу (*sealde his hyrsted sweord ...ombihtþegne*, 671–673).

Подведем предварительный итог: анализ контекстов показал, что др.-англ. *gedriht* обозначало группу людей, вероятно, объединенных различными связями: родственными, вассальными, воинскими. Особенностью такой группы являлось то, что объединение складывалось не по принципу личной близости, а скорее всего, по задачам, которые выполняли ее члены.

Более того, тщательное изучение текста «Беовульфа» позволяет предположить, что *gedriht* считалась у древних германцев многочисленной группой. Так, например, количество спящих в Хеороте воинов перед битвой с Генделем описывается как много (*manige*).

geseah hé in recede rinca manige swefan sibbegedriht samod ætgædere (729).

‘Увидел он в зале много воинов, спящую группу **сородичей**, которые собрались вместе’ (пер. Е. Сорокиной).

Из текста поэмы известно, что спать в зале остались только гауты (*sibbe-gedriht*) во главе с Беовульфом. Зная, что к Хротгару прибыло всего 15 гаутов, а одного воина оставили охранять корабль (*batwearde*, 1900), можно заключить, что в Хеороте перед битвой было 14 человек. Таким образом, слово *gedriht* могло обозначать многочисленную группу в 14 и более человек.

Для древних германцев вооруженная группа в 20 человек являлась оптимальной боевой силой, так как средний корабль викингов длиной в 13–15 метров не мог вместить большое количество воинов (Монгайт 1974: 108). Сравните: др.-исл. *Eftir það fór Auður að leita Íslands; hún hafði á skipi með sér tuttugu karla frjálsa* ‘После этого Ауд отправилась искать Исландию. У нее был **корабль с двадцатью мужчинами свободными**’ (Landb. 2, 15: 85).

Рассмотрим оставшиеся три контекста с *OE gedryht*. В первом эпизоде Беовульф просит Хротгара разрешить ему сразиться с Гренделем.

Ic þe nu ða, brego Beorhtdena, biddan wille, eodor Scyldinga, anre bene, þæt ðu me ne forwyrne, wigendra hleo, freowine folca, nu ic þus feorran com, þæt ic mote ana <ond> minra eorla gedryht, ond þes hearda heap, Heorot fælsian (426–432).

‘Доверь, владыка блистательных данов, опора Скильдингов, щит народа, – тебя заклинаю я, прибывший с дальнего берега, – о друг воителей, доверь пришельцам, мне с **моею верной дружиной**, отряду храбрых охрану Хеорота!’

(пер. В. Тихомирова).

Беовульф утверждает, что он один (*ana*) со своими эрлами и храбрыми воинами (*þes hearda heap*) очистит от чудовища Хеорот. Важность использования слова один (*ana*) обусловлено древнегерманской традицией, когда настоящим героем сражается с врагом в одиночку, чтобы бороться за славу (*gylpe wiðgrípan*, 2521) и получить известность (*maérðum fremman*, 2514). Древние германцы верили, что чем удачливее вождь, чем больше у него личных побед и богатства, тем больше везения будет и у его дружины. Основным девизом древнегерманского героя: *þonne hé æt gúðe gegán þenceð longsumne lof ná ymb his líf cearað* (1535–1536) ‘Так врукопашную должно воителю идти, дабы славу стяжать всевечную, не заботясь о жизни!’ (пер. В. Тихомирова).

Действительно, хотя на свой последний бой с драконом Беовульф собирает группу лучших воинов из 12 человек, однако на битву он идет один (*nefne mín ánes*, 2533).

Gewát þá twelfa sum torne gebolgen / dryhten Géata, dracan scéawian (2401–2402).

‘Пошёл он, всего с ним **двенадцать** (воинов), кипящий от гнева, **вождь** гаутов, увидеть дракона’ (пер. В. Тихомирова).

И только в критический момент, послушавшись приказа, к сражению присоединяется Виглаф, который и убивает дракона. При этом, честь последнего удара, а значит и вся слава, остается за Беовульфом. Таким образом, этот отрывок можно интерпретировать так, что Беовульф собирается защищать Хеорот в одиночку. Для этого не нужно много воинов, достаточно лишь несколько эрлов и тэнов, которые были бы свидетелями его подвига.

Использование в данном контексте *eorla gedryht*, а не *OE gedriht*, по нашему мнению, объясняется тем, что *OE gedryht* могло обозначать не столь многочисленную группу воинов. К такому выводу нас подводит анализ текста поэмы. Действительно, как отмечалось выше, Беовульф приплыл к Хротгару с 14 воинами Хигелака. Среди них, вероятно, были вассалы самого Беовульфа. По крайней мере нам достоверно известно об одном оруженосце (*ombihtþegne*, 673) и об одном эрле (*eorl Béowulfes*, 795). Соответственно, личная его свита была не многочисленной. В начале поэмы указывается, что Беовульф собрал 14 воинов (*сепра*, 206). Очевидно, что не все гауты были эрлами. Не был эрлом погибший от лап Гренделя Хандскио (*Handscio*, 2076), который был просто воином (*сепра*, 2078). Вряд ли эрлами были несколько воинов (*sume þaér bidon*, 400), оставленных охранять доспехи у входа в Хеорот. Как отмечалось выше, среди гаутов был охранник лодки (*batwearde*, 1900).

Таким образом, на аудиенцию с Хротгаром пришли не более 10 человек, а возможно и менее, так как *OE sum* могло обозначать любое число. (см. выше, *twelfa sum*, *fiftýna sum*). Можно предположить, что с Беовульфом была небольшая группа эрлов. При этом, если считать, что у каждого эрла были оруженосцы, то число эрлов могло быть не более 4–6 человек, включая самого Беовульфа. При таких условиях вполне логично, что Беовульф предложил избавить Хеорот от Гренделя самолично, а несколько эрлов (*minra eorla gedryht*) и остальные соплеменники (*hearda heap*) выступили бы свидетелями подвига.

Последние два примера связаны с королем Хротгаром. После пира, перед битвой Беовульфа с Генделем, Хротгар отправляется в покои Вальхтеов.

Ða him Hroþgar gewat mid his hæleþa gedryht, eodur Scyldinga, ut of healle; wolde wigfruma Wealhþeo secan, cwen to gebeddan (662–665).

‘Хротгар вышел, за ним дружина, опора Скильдингов, прочь из зала; возлег державный на ложе Вальхтеов в покоях жениных’ (пер. В. Тихомирова).

Комнаты жены конунга могли находиться как в большом длинном доме, так и в отдельно стоящем строении. Традиционные древнегерманские длинные дома имели несколько отсеков: жилой, пиршественный зал, стойло для скота, которые в

дальнейшем могли разделиться на несколько строений (Khlevov 2019: 87–89). В описываемой ситуации кажется маловероятным, чтобы Хротгара в покои жены сопровождала многочисленная свита. Очевидно, что это были самые близкие его вассалы и слуги.

Последний взятый для анализа контекст описывает разговор Беовульфа с Хротгаром после победы над матерью Гренделя, где он уверяет, что теперь Хротгар может спокойно спать в Хеороте со своей свитой и воинами без страха.

Ic hit þe þonne gehate, þæt þu on Heorote most sorhleas swefan mid þinra secga gedryht ond þegna gehwylc þinra leoda, duguðe ond iogope, þæt þu him ondrædan ne þearft, þeoden Scyldinga, on þa healfe, aldorbealu eorlum, swa þu ær dydest (1671–1676).

‘За датчан сполна я воздал ярый нечисти и клянусь, что отныне **ты с дружиной**, со старейшинами, с домочадцами сможешь в Хеороте спать бестревожно, ибо адские выходцы, силы дьявольские, твои земли покинули, конунг Скильдингов, прежние скорби не воротятся!’ (пер. В. Тихомирова).

В данном примере, на наш взгляд, следует обратить внимание на глагол *swefan* ‘спать’, который встречается в поэме 12 раз. В шести контекстах в своем прямом значении, а в остальных – в переносном значении ‘умирать’. При этом, в трех случаях слово соотносится с *gedryht / gedriht* и его производным, ср.: *æþelinga gedriht swefan* (119), *swefan sibbegedriht, gde sibb poduc* (729), *swefan mid þinra secga gedryht* (1672).

Использование в одном контексте этих слов позволяет предположить, что одной из функций, которую выполняли при королях и вождях лица, обозначенные как *gedryht / gedriht* была обязанность нести охрану в ночное время. При этом, нельзя исключать и значение ‘тот/те с кем делишь ложе, место для сна’. Действительно, знатные воины, *æþelinga*, не только спали в Хеороте, но и охраняли его. Спящим *sibbegedriht* во главе с Беовульфом Хротгар разрешил охранять и защищать Хеорот от Гренделя. Воины, *secga gedryht*, сопровождавшие Хротгара в покои его жены, охраняли сон короля.

Подведем итоги. Использование в поэме «Беовульф» двух способов написания *OE gedryht / gedriht* не является, на наш взгляд, ни орфографической избыточностью, ни особой поэтической техникой. Во-первых, четко прослеживается зависимость написания слова от размера социальной группы, которую оно обозначает. Древнеанглийское *gedryht*, очевидно, использовалось для наименования небольшой группы людей, наиболее

приближенной к королю или вождю, выполнявшей функцию охраны (особенно в ночное время), или спящую вместе в одном месте, помещении. Древнеанглийское *gedriht*, вероятно, обозначало большую по размерам группу воинов, но не столь лично близкую вождю.

Таким образом, *gedryht* / *gedriht* выступало в поэме «Беовульф», во-первых, в качестве ядра эпической формулы и входило в особый церемониальный вокабуляр. Во-вторых, графическая вариативность указывала на смысловое различие между *gedryht* и *gedriht*, что позволяло автору поэмы более точно охарактеризовать группу людей, действующих в стереотипных ситуациях в рамках древнегерманской поэтической традиции.

Очевидно, что для верификации полученных результатов необходимо дальнейшее исследование оставшихся случаев употребления *gedryht* и *gedriht* в древнеанглийском корпусе текстов, что определяет перспективу нашего исследования.

Литература

- Abels, R. 2003: Royal Succession and the Growth of Political Stability in Ninth-Century Wessex. In: Morillo S. (Ed.). *The Haskins Society Journal* 12: 2002. *Studies in Medieval History*, 83–98. doi:10.7722/j.ctt81qkc.9
- Bosworth, J. (n.d.). *An Anglo-Saxon Dictionary Online*. Ed. Thomas Northcote Toller and Others. Retrieved March 25, 2020, from <http://bosworth.ff.cuni.cz/>
- DOE – *The Dictionary of Old English Project, Centre for Medieval Studies, University of Toronto* (n.d.). Retrieved March 23, 2020, from <http://www.doe.utoronto.ca/>
- Durkin, P. 2011: *The Oxford Guide to Etymology*. Oxford: OUP.
- Gvozdetskaya N. Yu. 2016: Formul'nost' i leksikon ritual'noĭ rechi. *Vestnik VolGU. Seriya 2. YAzykoznanije*. 15. No. 4. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.17>
- Гвоздецкая Н. Ю. 2016: Формульность и лексикон ритуальной речи. *Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание*. 2016. Т. 15. No. 4.
- Khlevov, A. 2019: *Predvestniki vikingov. Severnaya Yevropa v I–VIII vekakh* [Vikings' forerunners. Northern Europe in I–VIII centuries]. Moscow: Yevraziya.
- Хлевов, А. 2019: *Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках*. М.: Евразия.
- Kroonen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, Vol. 11.
- Levitsky, V. V. 1994: *Sravnitel'no-etimologicheskij slovar' germanskikh yazykov* [Comparative and Etymological Dictionary of German Languages]. Ukraina, Chernovtsy.

- Левицкий В. В. 1994: *Сравнительно-этимологический словарь германских языков*. Украина, Черновцы.
- Lord A. V. L. 1994: *Skazitel' [Narrator]*. Moscow: «Vostochnaya literatura».
- Лорд А. В. Л. 1994: *Сказитель*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Mongait A. L. 1974: *Arkheologiya Zapadnoy Yevropy. Bronzovyy i zheleznyy veka [Archeology of Western Europe: Bronze and Iron Age]*. М.: Nauka.
- Монгайт А. Л. 1974: *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М.: Наука.
- Newton, S. 1994: *The Origins of Beowulf: And the Pre-Viking Kingdom of East Anglia*. DS Brewer.
- Niles J. D. 1981: Formula and Formulaic System in Beowulf. In J. M. Foley (ed.). *Oral Traditional Literature: A Festschrift for Albert Bates Lord*. Columbus OH. 394–415.
- Niles, J. D. 2006: Beowulf's Great Hall, *History Today*, October 2006, 56(10): 40–44.
- O'Keefee, K. 1990: *Visible Song: Transitional Literacy in Old English Verse*. Cambridge University Press.
- Smirnitskaya, O. A. 1982: [Anglo-Saxon Poetic Art]. In: Smirnitskaya O. A. (ed.) *Drevneangliyskaya poeziya [Old English Poetry]*. М.: Nauka, 171–232.
- Смирницкая, О. А. 1982: Поэтическое искусство англосаксов. О. А. Смирницкая (ed.), *Древнеанглийская поэзия*. М.: Наука, 171–232.
- Sorokina, E. A. 2010: [Who were pra-German *druht-?]. *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 14, 329–239.
- Сорокина, Е. А. 2010: Кто такие прагерманские *druht-? *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 14, 329–239.
- Walde, A. 2014: *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Berlin, Walter de Gruyter.